Глава 99 Ван Хун наградил его тазом с водой

Когда Чэнь Жун сел в шицзюй, было уже поздно, и повозка Чэнь Гонжана стояла на дороге.

Кузина птичкой вспорхнула в свою повозку. У неё был аналогичный грим, полностью подавляющий индивидуальность девушки. Они были словно игрушки из одной партии кукольника.

На этом Чэнь Жун передернулся, вспоминая мага-кукольника, у которого была целая коллекция подобных не совсем живых поделок, полностью подвластных его воле. Причем вследствие его экспериментов – бесполых. Кем те были при жизни, уже было непонятно, ибо груди тоже ни у одного вполне в прошлом взрослого экземпляра не было, как и прочих первичных половых признаков. Самого же хозяина вполне удовлетворяло наличие у них анального отверстия, и, судя по всему – рта. Ко всему прочему куколки были теми еще хищниками. Засасывали насмерть. В прямом смысле. Высасывали жизненную силу и душу у указанных Мастером жертв. На том и существовали. И было их у хозяина кукольника – не мало. Так что операция вышла веселой. Но не для всех – многие не вернулись с этого кукольного представления. И все те «куколки» были как раз вот так раскрашены и дивно нарядно одеты в такие же бесполые многослойные ханьфу, с ручной артефактной вышивкой. Именно тогда он оценил возможности артефактной вышивки. Казалось бы обычная ткань и шелковые нитки… а эффект, как от кевларовой брони…

Старик Шен управлял повозкой, следуя за экипажем Чэнь Вэй и медленно выехал из Чэнь Фу.

В этот вечер луна была достаточно яркой, ветер был напоен влагой. Чэнь Жун отодвинул занавеску и посмотрел на пешеходов, приходящих и уходящих с улиц. Среди этих прохожих уже было много оборванцев. Когда Сунь Янь вырвался из города Мо’ян, бегство для многих спасшихся оттуда было слишком внезапным, и там было много ученых, да и простого люда. Багаж они толком не брали, удирая, как есть.Да и не только они в Наньньян стекались беглецы со всей округи, большинство из них не имело возможности заработка. Если ремесленники худо-бедно могли пристроиться в лавки или мастерские, то кому в городе были нужны аристократы, ничего не умеющие? Относительно повезло тем, кто имел своих мастеров, но большинство прислугу и обслугу не считали чем-то нужным и требующим заботы и защиты. Обычно бежали только с охраной и личными слугами, которые тоже умели лишь обихаживать своих господ и при первых проблемах избавлялись от «балласта». Как Чэнь Юань.

Так что после прибытия таких беженцев в Наньньян они оказались предоставлены сами себе. У кого-то тут были родственники, но это не означало решения всех проблем. А у многих и этого не было… Мастеровым было в чем-то проще, даже за копейки они могли найти работу, кстати – это хорошая мысль. Надо бы отправить Старика Шена на местную «биржу труда» - рынок. Моянцев не сложно узнать, по потерянному выражению. Да и многих он помнит по посещению рынка и лавок. У старика на удивление цепкая память. Скорняк, обувщик, да и еще многие специалисты не помешали бы в хозяйстве. Хм… а ведь можно и учителей найти, не то, чтобы они были нужны, но показательное обучение и подготовка к императорскому экзамену, якобы по отцовскому желанию-наставлению, будет как бы … кстати. Хе-хе. И кое-кому намекнет, что не они озаботились его подготовкой, а он сам выполняет волю родителя. А остальные только пытаются его продать подороже. Хе-хе. Мысль А Жуну понравилась.

Хотя тут тоже надо быть аккуратным, и особо на род Чэнь бочку не катить.

В этом древнем мире, таким, как Чэнь Жун, мало кто поможет укрыться под защитой семьи. Это жестокий к своим детям мир. Ему следует стать/быть сильным, его люди опираются на него как лоза на ствол дерева. Слуги, мастера и даже евнухи и рабыни зависимы от его положения. Господское положение это далеко не только привилегии, но и масса обязанностей. Только он может удержать своих людей на плаву, потому что они не защищены от этого мира: пища, одежда, защита и кров над головой дается им господином и они к такому привыкли, для другого восприятия надо время, а его нет, особенно если есть дети. В противном случае они были обречены погибать в лагерях беженцев, где царствуют законы хищников. Это то, что ждало, по сути и его самого. А род все-таки предоставил ему и защиту и жилье… многие о подобном могут только мечтать.

Три повозки подъехали к поместью Ван. Пожалуй, после поместья принца оно было территориально самым большим среди местных поместий аристократии. Это был целый небольшой город в городе: с мощеными булыжником мостовыми, узкими запутанными улочками меж внутренних семейных дворов и садов. Множество прудов, ручьев их соединяющих и бамбуковых зарослей, сплошной стеной отделяющих дворы разных семей, где царил постоянный сумрак из-за плотности растений, сквозь которые вели плиточные тропки, освещенные маленькими припочвенными фонариками, со вставленными магическими огоньками и свечами. В ночное время через эти заросли можно было пройти, только ориентируясь на эти маленькие светлячки. Даже сейчас, в зимнее время, поместье было красиво за счет кустарников и деревьев с ветвями разных оттенков, и вечнозеленых растений. Тяжелые свинцовые воды прудов в это время года лишенных лотосов и кувшинок, разбавляли специально скомбинированные привезенные редкие камни разных пород, красивой расцветки и текстуры. Скупая минималистическая красота. И шелест бамбука на ветру. Типично «Поднебесный» колорит, хотя Женя к нему начал понемногу привыкать.

Как только шицзюй Чэнь Жуна приблизился к воротам Ван, то он увидел на карнизах, ветвях, на обочинах улиц, повсюду горящие факелы, свечи и фонари. Великолепие световой картины подчеркивал легкий ветерок, покачивающий огни фонарей развешанных в ветвях и на карнизах центрального дома, где проводился прием.

В центральном въезде главного двора, перед парадным залом резиденции, наблюдалось постоянное движение людей и повозок. Нарядные девушки-служанки, добавляли образы «цветов на ветру» в тихую зимнюю ночь ароматами своих саше и красочностью одежд.

Повозки Чэнь остановились на площади.

При поддержке своей служанки Чэнь Вэй подошла к тому месту, где звучала музыка. Ее шаги были немного легкомысленными, а глаза - яркими и ненормальными. Она покачивалась на ходу, как то предписывалось «лотосовым красавицам-аристократкам» традицией. Жун заподозрил, что кузина что-то приняла или «нюхнула» - «для храбрости» тот же опиум тут еще не считался опасным наркотиком, и был весьма распространен в употреблении. Его даже прописывали специально. Правда, маги были к нему невосприимчивы, даже алкоголь вызывал весьма кратковременное опьянение и быстро выводился организмом. Эфир по-своему заботился о своих носителях. По-настоящему опьянеть они могли только от эфира ,

переполняющего их меридианы и средоточие.

Когда Чэнь Жун подошел к ней, посылая вопросительный взгляд, но Чэнь Вэй даже не обратила на это внимания. Она просто смотрела на главный дом широко открытыми глазами, плотно сжав губы, и маленькая рука, державшаяся за слугу, немного нервно дрожала.

Чэнь Жун внимательно посмотрел на нее и медленно отвел взгляд.

В это время в дом стремительно прошел Чэнь Гонжан с несколькими уже встреченными им во дворе учеными. Он явно не был опытным в деле выведения молодежи в свет, похоже, просто забыв о подопечных.

Чэнь Жун сделал несколько шагов, последовал за ним и вошел внутрь. А Вей, кажется последовала за ним.

Оказавшись в зале, все, включая Чэнь Жуна, не могли не посмотреть на главное место. Глядя в ту сторону, Чэнь Жун впервые понял значение этого статуса. Очевидно, что огни - это огни, и повсюду есть чистые люди. Но в этом направлении и у этого человека статус особенно ярко читается. Он яркий и привлекательный, настолько яркий, что все люди не могут не смотреть на него... Ван Хун.

Чэнь Жун снова перевел взгляд на тело Чэнь Гонжана. Их место с левой стороны третий стол, они с кузиной сели в углу за спиной старейшины, второй ряд - куда прислуга уже двигала ширмы.

Сев, он снова посмотрел на Ван Хуна.

Этот человек, когда бы он его ни увидел, всегда такой ветреный, кажется, что все беды в этом мире, все смущения не имеют к нему никакого отношения.

Чэнь Жун посмотрел на него, и его глаза были немного потерянными.

В этот момент Ван Хун, который чуть улыбался, сделал глоток своего напитка, посмотрел на Чэнь Гонжана и поклонился ему.

Когда его взгляд обратился к Чэнь Жуну, он был явно ошеломлен. Чень Жун изобразил театральную пантомиму с использованием рук и веера.

Глаза Ван Хуна приобрели особенно широкий разрез. Его правая рука медленно взмахнула.

Слуга быстро подошел и с уважением спросил:

—…что приказывает Лан Цзюнь?

— …принеси умывальный таз с водой.

— Да.

Через некоторое время слуга с тазом подошел к Ван Хуну.

Глядя на слугу, Ван Улан с любопытством улыбнулся:

— Зачем это?

Ван Хун - просто улыбнулся.

Он медленно и многозначительно указал в сторону Чэнь Жуна и еле слышно произнес:

— Вперед, это ему

Слуга должен был сказать:

— Да.

Он взял таз и направился к Чэнь Жуну.

Вы должны знать, что Ван Хун находится в центре внимания ученых. Хотя у него тихий голос и необычные движения, он может смотреть или на него, или на слугу, который держит таз.

На глазах у публики слуга взял таз и направился к Чэнь Жуну. Он поставил на его колени тазик и сказал мягко и вежливо:

— …девочка, вот чем вознаградила тебя семья Лан Цзюнь!

Слово выплюнуто: Эй, все глаза устремлены на Чэнь Жуна. Мало того, его еще назвали девочкой!!!

Под слоем пудры он покраснел до ушей и скрипнул зубами. Однако пудра на его лице была слишком густой, и румянец не сходил с лица, а тянулся от шеи к вырезу на груди, который был прикрыт планкой. Поскольку груди-то как бы и не было.

Он облизнул губы и прошептал чуть слышно:

— Спасибо вашей семье. — Слушая внимательно, кажется, что слова вышли из его зубов. Змея шипит более благожелательно перед атакой.

Толпа смотрит на него во все глаза.

В это время все поняли значение слов Ван Хуна.

Чэнь Жун, конечно, понимает, что он имеет в виду. Подарочег! М-мать его!

Он немного заколебался и опустил свою узкую кисть руки в таз: глядя на эту ситуацию, он не делал ничего в соответствии с намерениями Ван Хуна, только чтобы все продолжали смотреть на него вот так. Все движения были наполнены аристократическим изыском. Движения А Жуна были подобны игре императорского актера. Предельно отточены и вроде бы случайны, небрежны, но так безукоризненны и тонко пропитаны и окутаны волнами флера. Для пущего эффекта.

Сунув руку в таз, Чэнь Жун набрал полную пригоршню воды и омыл лицо.

В этом зале, на пиру, на глазах у публики, когда он так изысканно и вместе с тем невинно и беспомощно умылся, Чэнь Гонжан нахмурился. Большинство просто замерло, наблюдая за столь изысканным спектаклем и гадая, было ли подобное задумано эстетом Циланом, или оно все же случайно? Чэнь Гонжан спросил в сторону:

— …кто делал этот грим для него? — Голос все еще теплый. Неудовлетворенность выше всяких слов.

Слуга прошептал в ответ: — Это жена Чэнь Юаня.

Чэнь Гонжан фыркнул. Всё понятно. Бывшая княжна определенно плохо влияла на брата. Он изначально был против этого брака. Но такой, казалось бы удачный союз! Родители радовались его устройству.

Хотя княжна была прямой линии – но неугодной жене князя – та от нее поспешно избавлялась. Отец давал за дочерью хорошее приданое: и вещами, и сокровищами, и деньгами. Но уже тогда Чэнь Гонжан понимал, что подобное не просто так, и вроде бы выгодный брак младшего брата обещает не мало проблем в будущем. Его жену не удовлетворит место жены младшего брата Главы рода. Не из того она окружения.

На его взгляд и потомки Юаня не удались. Ни дочери, ни сын. Сын сомнительно, что сдаст экзамен, дочери не слишком хороши собой, и неподобающе капризны, чтобы их удачно пристроить. Но племянниц он любил, как и племянника. Хоть и осуждал того. Ведь не исключено, что молодая дурь пройдет, и кровь Чэнь даст себя знать.

А вот Чэнь Жун - настоящее сокровище рода. И, кажется, жена Юаня это поняла. Решив придержать для себя и своей семьи. Очень разумно, учитывая, что сын экзамен не сдаст и где ему потом искать достойного супруга? А тут - вот он! Вот только роду с этого никакого проку. Хотя если бы Юань открыто поделился проблемой и планами, он бы подумал. Но вот интриги за спиной старейшин… такого Чэнь Гонжан не любил. Очень не любил.

Пока Чэнь Жун умывался, Чэнь Вэй с одной стороны и дюжина девушек, сидевшие в углу, немного обеспокоились. У них был подобный грим.

Время от времени они протягивали руки и гладили свои лица. Традиции традициями, но Цилан уже невольно высказал свое «фэ». Но вот уверенности в том, что они смогут прилюдно так изящно освободиться от макияжа, у них не было. После долгих колебаний они тихо ушли одна за другой.

Ван Улан посмотрел на эту перемену в действиях нюйши. Он огляделся на мгновение и пробормотал:

— Прощай бассейн с водой, весь Цзянькан вскоре будет затронут новой модой! — Его тон, более или менее, был кислым.

В это время Ван Улан, когда смотрит на Чэнь Жуна, его взгляд все еще сложно понять, но он уже не такой горячий, как раньше.

Через некоторое время Чэнь Жун умылся.

Слуга забрал таз.

Глаза людей все еще были прикованы к его лицу. В зале шептались, передавая разные истории о нём. По прозрачной коже, тронутой румянцем скользили сверкающие капли, путаясь в стрелах длинных черных ресниц и огибая изгиб крупных и чувственных до неприличия губ.

Под этими огненными взглядами Чэнь Жун опустил голову. В это время другой слуга семьи Ван принес чистое ароматное полотенце, и Чэнь Жун взял его и промокнул воду с прекрасного лица. Затем служанка поднесла ему бронзовое зеркало, и она подошла к самому Чэнь Жуну. В этом зале он распустил свои начесанные волосы и расчесал их, пока волосы не стали аккуратными и гладкими, словно падающая с гор вода. Закон желания высшего, а слуги исполняют. Служанка тут же часть волос забрала все той же заколкой, не озадачиваясь сложностью прически. И так было невероятно хорошо.

Ван Хун захотел – и традиции пошли боком.

За это время, а все заняло в общей сложности две четверти часа - так что начало банкета, с этим спектаклем, задержалось на две четверти! Но все были не против, когда еще увидишь такое-то!

Когда слуги удалились, гости обрадовались, и служанки начали, наконец разносить вино.

И все неохотно отвели глаза от Чэнь Жуна, имея другое занятие. Но столь плотоядно глазеть на красавчика было немного неприлично, а тут нашлось отвлекающее занятие. Мужчины немного нарочито поднимали первые тосты и с усилием заводили подобающие философские беседы.

До тех пор Чэнь Жун тяжело вздыхал. Он смотрел в его глаза и ненавидел мужчину, который улыбался на главном месте. Его сердце было обижено, сердито и застенчиво. Конечно, хорошо, что он смыл этот театральный грим, но можно было сделать это не так публично. Но с другой стороны с легкой руки Цилана как бы отверг его статус младшего. Точнее, это было поставлено под вопрос. А кто бы стал спорить с самим Циланом?

Когда вино уже было на столах, уходившие благородные девушки вернулись. До этого они были похожи на Чэнь Жуна, все заштукатуренные, словно под копирку. Теперь каждая была сама собой. Грим на их лицах был начисто смыт, а волосы растрепаны и рассыпаны по плечам.

У Чэнь Вэй тоже.

Она протянула руку и потерла лицо, словно демонстрируя белое и румяное, умытое лицо и видя более влажное лицо Чэнь Жуна, и немного завидуя, спросила:

— А Жун, мое лицо выглядит слишком желтым?

Чэнь Жун посмотрел на нее. В ее нетерпеливых ожидающих глазах, он покачал головой и прошептал в ответ:

— Нет, это очень красиво. Розы и снег.

Чэнь Вэй была вне себя от радости, быстро подняла голову, уверенно и гордо посмотрела на девушек вокруг.

http://erolate.com/book/1285/36149